

Моей бабушке Валентине Рыбкиной

Летящим снегом тянешься ко мне.
Две бабочки в глазах черны и рады —
им чуждо оставаться на земле —
им вылетать и липнуть к снегопаду.

Слезой окоченелой выпадать
я буду, переехавший границу,
из черноты осенней в благодать
твоих высот, как из села в столицу.

И будет снег протяжен и белес.
Я ухвачусь за краешек хрустальный,
и перекрашу ночь в цвета берез —
верну ее к борьбе первоначальной.

Замкнется круг, как ободок руля.
Куда не поверни — лежит под снегом
ни в чем не виноватая земля,
как я с тобой, сроднившаяся с небом.

Тоска в глазу размешана, слезами
ее не выплакать, ее не расплескать,
блестящими электропроводами
напряжена домов немая стать.
И я иду по улице упрямой,
торчат из-под оград дворов кресты

и дождь качается от ветра, будто пьяный,
скользя по мягкой шали черноты.

До дома взгляд дотронулся — он близко,
но есть ли мне резон скрипеть дверьми?
Не знаю. Но уже собачья миска
гремит, попавши под ноги мои.
Я здесь. Я дома. Вот я. Я при-и-е-хал!
Взволнованная мать встречает. Что ж...
Закусываю щи горбушкой хлеба,
но хлебом все ж тоску не зажуешь.

* * *

Уже легли на тротуар
падения листвы,
и день сухим и серым стал,
как книжные листы.

И тлеют кучи под окном
соседского двора,
и покосился старый дом,
и тень к ногам легла.

И год назад, и два назад
все было точно так:
был август, первый листопад,
дворовый лай собак.

И ощущение конца,
начала предупрека,
и улетающий с крыльца
осенний мотылек.

* * *

мороз
затворы заржавели
рука легла на рукоять
сочится ночь под кожу двери
чернилами течет в тетрадь

я не боюсь разжать ладони
быть равновесьем на весах
и говорить луне о боли
как самому себе в глаза

и сторониться и смещаться
от жизни к темному углу
и строчкой будто бы прощаться
но утверждать что не умру.

Крыло ресничье на твоём глазу
 скрывает слезы радости ли, горя?
 и взгляд летит, вверху или внизу,
 он суши жаждет, или жаждет моря?

прекрасна ты, трагична и скромна,
 и агрессивна в то — в любое — в это.
 сама себе верна, себе вольна —
 как щебетанье утреннего света.

тянусь к тебе по музыке шагов,
 плетусь к тебе по снегу, по морозу,
 привычное прилесье у дорог,
 сугробы, заплетающие в косы.

следы, следы, то кошек, то дворняг,
 то человека, лыжника, ребенка,
 и где-то громыхает товарняк,
 и носится по станции поземка...

в несвязной речи слов не разобрать.
 я добреду, ведомый жаждой чуда
 к тебе, чтобы на край любовный встать
 и без раздумий сброситься оттуда.

* * *

Воздух влажный, тяжелый, колюч,
 куст цикория
 целится в ноги,
 и холодный растрепанный луч,
 будто клякса, застыл на дороге,

вырывается слово из губ,
 к небу тянется долгая копоть,
 голос ломок,
 нездешен и груб
 перевод с неземного на шепот,

отвечает ему мошкара,
 и дробится на музыку Эго,
 и скукоженный лист, и трава
 превращаются в эхо,

размечаются ветром в углы
 неразборчивые окончания,
 и ты просишь у тверди займы
 неземной
 неземного молчания.